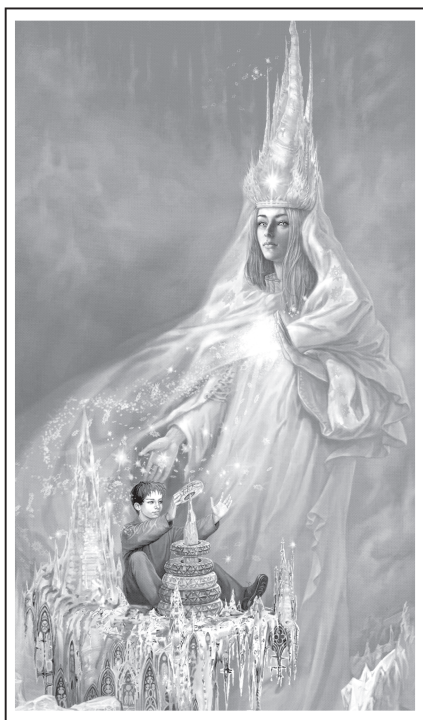

ЧТЕНИЕ НА ЛЕТО

переходим в

4-й класс

*6-е издание,
исправленное и переработанное*

#эксмодетство

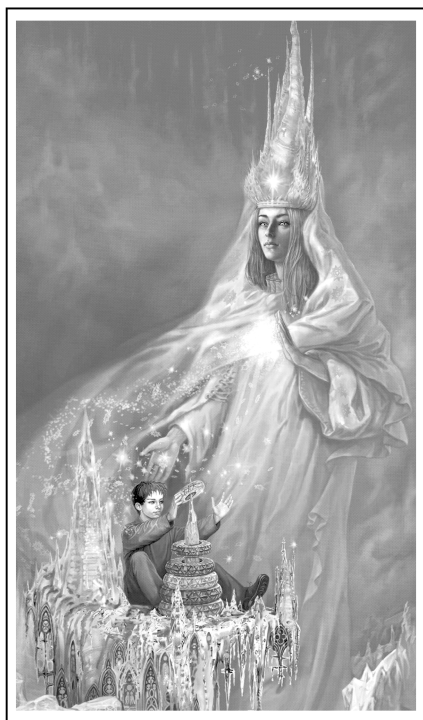
Москва
2025

ЧТЕНИЕ НА ЛЕТО

переходим в

4-й класс

*6-е издание,
исправленное и переработанное*

#эксмодетство

Москва
2025

УДК 373.3:82
ББК 83.3я71
Ч-77

Оформление серии А. Саукова

Все произведения в хрестоматии без сокращений

Чтение на лето. Переходим в 4-й класс. — 6-е издание, исправленное и переработанное. — Москва : Эксмо, 2025. — 400 с. — (Новейшие хрестоматии).

ISBN 978-5-04-199961-2

Хрестоматия содержит большинство произведений, которые задают для прочтения на лето в школах России. Все тексты без сокращений. В состав сборника входят русские народные сказки, басни, мифы, стихотворения и рассказы русских и зарубежных классиков XIX–XX веков. Для удобства учащихся все произведения разделены на разделы: «Начинает сказка сказываться», «Детства счастливые годы», «Мои звери», «Уж сколько раз твердили миру», «Родного неба милый свет», «Преданья старины глубокой», «Волшебный мир сказки», «Не позволяй душе лениться», «Лесной голосок».

Рекомендовано учащимся, которые закончили 3-й класс.

УДК 373.3:82
ББК 83.3я71

ISBN 978-5-04-199961-2

© **Оформление.**
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Начинает
сказка
сказываться...

Иван Быкович

Русская народная сказка

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею, детей у них не было. Стали они Бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на прокормление. Помолились, легли спать и уснули крепким сном.

Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруду златопёрый ёрш плавает, коли царица его скушает, сейчас может забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться.

Царь призвал рыбаков и строго наказал поймать ерша златопёрого.

На заре пришли рыбаки на тихий пруд, закинули сети, и на их счастье с первою ж тонею попался златопёрый ёрш. Вынули его, принесли во дворец; как увидела царица, не могла на месте усидеть, скоро к рыбакам подбегала, за руки хватала, большой казной награждала; после позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша златопёрого с рук на руки.

— На, приготовь к обеду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся.

Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на двор выставила; по двору ходила корова, те помои выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала.

У царицы родился Иван-царевич, у кухарки — Иван, кухаркин сын, у коровы — Иван Быкович.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам; как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три молодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто — кухаркино и кто от коровы народился. Только по тому и различали их: как воротятся с гулянья, Иван-царевич просит бельё переменить, кухаркин сын норовит съесть что-нибудь, а Иван Быкович прямо на отдых ложится. По десятому году пришли они к царю и говорят:

— Любезный наш батюшка! Сделай нам железную палку в пятьдесят пудов.

Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов, те принялись за работу и в неделю сделали. Никто палки за один край приподнять не может, а Иван-царевич, да Иван, кухаркин сын, да Иван Быкович между пальцами её повертывают, словно перо гусиное.

Вышли они на широкий царский двор.

— Ну, братцы, — говорит Иван-царевич, — давайте силу пробовать, кому быть бóльшим братом.

— Ладно, — отвечал Иван Быкович, — бери палку и бей нас по плечам.

Иван-царевич взял железную палку, ударил Ивана, кухаркина сына, да Ивана Быковича по

плечам и вбил того и другого по колена в землю. Иван, кухаркин сын, ударил — вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю; а Иван Быкович ударил — вбил обоих братьев по самую шею.

— Давайте, — говорит царевич, — ещё силу попытаем: станем бросать железную палку кверху; кто выше забросит — тот будет больший брат.

— Ну что ж, бросай ты!

Иван-царевич бросил — палка через четверть часа назад упала, Иван, кухаркин сын, бросил — палка через полчаса упала, а Иван Быкович бросил — только через час воротилась.

— Ну, Иван Быкович, будь ты больший брат.

После того пошли они гулять по саду и нашли громадный камень.

— Ишь какой камень! Нельзя ль его с места сдвинуть? — сказал Иван-царевич, упёрся в него руками, возился, возился — нет, не берёт сила.

Попробовал Иван, кухаркин сын, — камень чуть-чуть подвинулся. Говорит им Иван Быкович:

— Мелко же вы плаваете! Пстойте, я попробую.

Подошёл к камню да как двинет его ногою — камень аж загудел, покатился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев. Под тем камнем подвал открылся, в подвале стоят три коня богатырских, по стенам висит сбруя ратная: есть на чём добрым молодцам разгуляться!

Тотчас побежали они к царю и стали проситься:

— Государь-батюшка! Благослови нас в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать.

Царь их благословил, на дорогу казной наградил; они с царём простились, сели на богатых коней и в путь-дорогу пустились.

Ехали по долам, по горам, по зелёным лугам и приехали в дремучий лес. В том лесу стоит избушка на курячих ножках, на бараньих рожках, когда надо — повёртывается.

— Избушка, избушка, повернись к нам передом, к лесу задом; нам в тебя лезти, хлеба-соли ести.

Избушка повернулась. Добрые молодцы входят в избушку — на печке лежит Баба-яга костяная нога, нос в потолок.

— Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится.

— Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси, куда едем мы. Я добренько скажу.

Баба-яга слезла с печки, подошла к Ивану Быковичу близко, поклонилась ему низко:

— Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?

— Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно чудо-юдо живёт.

— Ай да Ванюша! За дело хватился; ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покати.

Братья переночевали у Бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу.

Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено! Увидали они избушку, вошли в неё — пустёхонька и вздумали тут остановиться.

Пришло дело к вечеру. Говорит Иван Быкович:

— Братцы! Мы заехали в чужедальную сторону, надо жить нам с осторожкою, давайте по очереди на дозор ходить.

Кинули жеребий — доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую — Ивану, кухаркину сыну, а третью — Ивану Быковичу.

Отправился Иван-царевич на дозор, залез в кусты и крепко заснул. Иван Быкович на него не понадеялся: как пошло время за полночь — он тотчас готов был, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали — выезжает чудо-юдо шестиглавое; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт¹ оцетинился. Говорит чудо-юдо шестиглавое:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, оцетинилась? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый молодец, ещё не родился, а коли родился — так на войну не сгодился. Я его на одну руку посажу, другой прихлопну — только мокренько будет!

Выскочил Иван Быкович:

— Не хвались, нечистая сила! Не поймав ясна сокола, рано перья щипать, не отведав

¹ Хорт — борзая собака, ловчая.

добра молодца, нечего хулить его. А давай лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

Вот сошлись они — поравнялись, так жестоко ударились, что кругом земля простонала. Чуду-юду не посчастливилось: Иван Быкович с одного размаху сшиб ему три головы.

— Стой, Иван Быкович! Дай мне роздыху.

— Что за роздых! У тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем.

Снова они сошлись, снова ударились; Иван Быкович отрубил чуду-юду последние головы. Сам в избушку вернулся. Поутру приходит Иван-царевич.

— Ну что, не видал ли чего?

— Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала.

На другую ночь отправился на дозор Иван, кухаркин сын, забрался в кусты и заснул. Иван Быкович на него не понадеялся: как пошло время за полночь — он тотчас снарядился, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает чудо-юдо девятиглавое; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошестинился. Чудо-юдо коня по бёдрам, ворона по перьям, хорта по ушам:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, пёсья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он ещё не родился, а коли

родился — так на войну не сгодился. Я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван Быкович:

— Погоди — не хвались, прежде Богу помолись, руки умой да за дело примись! Ещё неведомо — чья возьмёт!

Как махнёт богатырь своим острым мечом раз-два, так и снёс у нечистой силы шесть голов; а чудо-юдо ударил — по колена его в сыру землю вогнал.

Иван Быкович захватил горсть земли и бросил своему супротивнику прямо в очи. Пока чудо-юдо протирал свои глазища, богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище — рассёк на мелкие части и побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил.

Наутро приходит Иван, кухаркин сын.

— Что, брат, не видал ли за ночь чего?

— Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал!

Иван Быкович повёл братьев под калиновый мост, показал им на мёртвые головы и стал стыдить:

— Эх вы, сони, где вам воевать? Вам бы дома на печи лежать!

На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович; взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям:

— Я на страшный бой иду, а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит — ладно дело, если полна миска набежит — всё ничего, а если че-

рез край польёт — тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помощь мне.

Вот стоит Иван Быкович под калиновым мостом; пошло время за полночь, на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебряная, хвост и грива — золотые. Едет чудо-юдо, вдруг под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорту по ушам:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, пёсья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он ещё не родился, а коли родился — так на войну не сгодился. Я только дуну — его и праху не останется!

Выскочил Иван Быкович.

— Погоди — не хвались, прежде Богу помолись!

— А, ты здесь! Зачем пришёл?

— На тебя, нечистая сила, посмотреть, твоей крепости испробовать.

— Куда тебе мою крепость пробовать? Ты муха передо мной!

Отвечает Иван Быкович:

— Я пришёл с тобой не сказки рассказывать, а насмерть воевать.

Размахнулся своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы.

Чудо-юдо подхватил эти головы, чиркнул по ним своим огненным пальцем — и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали!

Плохо пришлось Ивану Быковичу, чудо-юдо стал одолевать его, по колена вогнал в сыру землю.

— Стой, нечистая сила! Цари-короли сражаются, и те замирение делают, а мы с тобой неужели будем воевать без роздыху? Дай мне роздыху хоть до трёх раз.

Чудо-юдо согласился, Иван Быкович снял правую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица все окна побила, а его братья спят, ничего не слышат. В другой раз размахнулся Иван Быкович сильней прежнего и срубил чуду-юду шесть голов. Чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем — и опять все головы на местах, а Ивана Быковича забил он по пояс в сыру землю.

Запросил богатырь роздыху, снял левую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья всё спят, ничего не слышат.

В третий раз размахнулся он ещё сильнее и срубил чуду-юду девять голов. Чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем — головы опять приросли, а Ивана Быковича вогнал он в сыру землю по самые плечи.

Иван Быкович запросил роздыху, снял с себя шляпу и пустил в избушку; от того удара избушка развалилася, вся по брёвнам раскатилася.

Тут только братья проснулись, глянули — кровь из миски через край льётся, а богатырский конь громко ржёт да с цепей рвётся. Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами на помощь спешат.

— А! — говорит чудо-юдо. — Ты обманом живёшь, у тебя помощь есть.

Богатырский конь прибежал, начал бить его копытами, а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсёк чуду-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы: сшиб все до единой и побросал всё в реку Смородину.

Прибегают братья.

— Эх вы, сони! — говорит Иван Быкович. — Из-за вашего сна я чуть-чуть головы не лишился.

Поутру ранёшенько вышел Иван Быкович в чистое поле, ударился оземь и сделался воробышком, прилетел к белокаменным палатам и сел у открытого окошечка. Увидала его старая ведьма, посыпала зёрнышков и стала сказывать:

— Воробышек-воробей! Ты прилетел зёрнышков покушать, моего горя послушать. Насмеялся надо мной Иван Быкович, всех зятьёв моих извёл.

— Не горюй, матушка! Мы ему за всё отплатим, — говорят чудо-юдовы жёны.

— Вот я, — говорит меньшая, — напущу голод, сама выйду на дорогу да сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорвёт — тот сейчас лопнет.

— А я, — говорит средняя, — напущу жажду, сама сделаюсь колодезем, на воде будут две чаши плавать: одна золотая, другая серебряная; кто за чашу возьмётся — того я погублю.

— А я, — говорит старшая, — сон напущу, а сама перекинусь золотой кроваткою: кто на кроватке ляжет — тот огнём сгорит.